

Научная статья
УДК 343.911
doi: 10.17223/15617793/475/25

Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль Галявиева И.Р.

Вали Фатехович Енгальчев¹, Рамиль Линарович Ахмедшин², Наталия Владимировна Ахмедшина³

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, valiyen@gmail.com

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, raist@sibmail.com

³ Томский университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, raist@sibmail.com

Аннотация. Описывается система психологического профилирования Галявиева И.Р., обвиняемого в совершении массового убийства 11.05.2021 в гимназии № 175 г. Казани. Выявление его психологического профиля и соотнесение его с определенным типом преступного поведения позволило: прийти к пониманию важных психологических особенностей Галявиева И.Р.; определить роль факторов внешней ситуации относительно личностных факторов; установить непосредственный триггер механизма преступного поведения; выдвинуть версию о возможном наличии оператора, управлявшего поведением исследуемого.

Ключевые слова: массовые убийства, Колумбайн¹, преступное поведение, психологическое профилирование, психологический профиль, типовая модель

Для цитирования: Енгальчев В.Ф., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль Галявиева И.Р. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 206–214. doi: 10.17223/15617793/475/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/25

Psychological and forensic analysis of a mass murder case: Inaz Galyaviev's psychological profile

Vali F. Engalychev¹, Ramil L. Akhmedshin², Natalia V. Akhmedshina³

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russian Federation, valiyen@gmail.com

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, raist@sibmail.com

³ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, raist@sibmail.com

Abstract. The article describes the system of psychological profiling of Inaz Galyaviev, who is accused of committing a mass murder on May 11, 2021, in Gymnasium No. 175 in Kazan. The range of problems affects the methodological, criminological, forensic, and psychological aspects. The study focused on the complex of personal characteristics of criminals reflected in the characteristics of the commission of mass murders (several murders committed in a specific place and in a relatively short period of time). In the study, the general scientific methods were used: analysis, synthesis, system-structural. The following particular scientific methods were also used: modeling, statistical analysis, comparative historical, peer review. Identification of the psychological profile of the subject and its correlation with a certain type of criminal behavior made it possible (a) to come to an understanding of Galyaviev's important psychological characteristics; (b) to determine the role of factors of the external situation in relation to personal factors; (c) to establish the direct trigger for the mechanism of criminal behavior; (d) to put forward a version about the possible presence of an operator that controlled the subject's behavior. The article reports the following conclusions. Since the crime considered in the article was committed in a limited area, it is necessary to immediately identify the person who committed it as a mass murderer. To implement the applied tasks of investigating mass crimes, a refinement of the methodological search schemes of foreign forensic scientists – a more detailed classification – is needed. It is unproductive to divide mass murderers into organized and disorganized, since this classification has become established in relation to serial criminals, who form a completely different unique criminal group. The significant amount of data indicates a preliminary thorough preparation and a rational scheme for committing a crime. Hence, the perpetrator is more likely to belong to a group of explosive mass murderers than to spontaneous killers. Despite the fact that the typical model of Galyaviev's behavior is closer to the model of an explosive mass murderer, an excessive number of elements of his criminal behavior go beyond this model. The hysterical accentuation of the subject actually finds very weak confirmation in his behavior during the commission of the crime, but is clearly expressed in the behavior before and after the criminal event. The expressed contradictions between Galyaviev's psychological type and the peculiarities of his criminal behavior indirectly indicate the presence of an unidentified operator in the case.

Keywords: mass murder, Columbine, criminal behavior, psychological profiling, psychological profile, generic model

For citation: Engalychev, V.F., Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2022) Psychological and forensic analysis of a mass murder case: Ilnaz Galyaviev's psychological profile. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 206–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/25

В последние годы произошел всплеск резонансных преступлений в учебных заведениях разных стран, общими признаками которых стали: юный возраст преступников, направленность агрессии против соучеников и педагогов, летальное оружие, продуманность и подготовленность схемы преступления, многочисленность жертв, неочевидная мотивация убийств. Подобные события получили название «колумбайн» или «скулшутинг» по аналогии с самым известным из них, причем эти понятия укрепились и в российской науке. Но если существование подобных преступлений, например в американской действительности, оказалось довольно просто прокомментировать [1. С. 79–87], то объяснить их появление на отечественной почве стало проблемой [2. С. 62–76; 3. С. 21–25]. К явлениям приковано внимание исследователей и практиков, пытавшихся выяснить причины массовых убийств и наметить пути их профилактики [4. С. 73–80; 5; 6. С. 97–110].

Среди многочисленных объяснительных версий поведения убийц были озвучены следующие: наличие у них психических расстройств [7. С. 84–96], культ и доступность огнестрельного оружия [8. С. 183–190], психическое заражение образом брутального сверстника [9. С. 442–446], маркировка протестного состояния мифом о герое-колумбайнере [10] и даже специальное психологическое воздействие на молодежь с целью формирования определенной криминальной направленности [11. С. 18–21]. Некоторые из указанных авторов, а также другие исследователи допускают существование комбинаций причин массовых убийств, где наличие одной из них может быть признано хотя и ведущей, но не единственной.

При этом недостаточно обращается внимание на то, что социологический или даже психолого-социологический анализ аналогичных преступлений в недостаточной степени подкрепляется изучением того, какие именно особенности конкретной личности в контексте конкретных же обстоятельств побудили ее к тем или иным действиям при планировании, подготовке и осуществлении преступления. Именно это может способствовать раннему выявлению потенциальных преступников (в зоне ответственности оперативных служб) или определению скрытых психологических механизмов совершения преступления уже на этапе следственной работы. Одним из таких важных факторов является психологический профиль преступника, т.е. совокупность психологических и поведенческих характеристик, оказавших существенное влияние на его поведение. И здесь тоже есть две важные стороны.

С одной стороны, это индивидуализация психологического профиля, т.е. выявление той уникальной комбинации индивидуально-психологических осо-

бенностей личности, которая позволяет выделять ее из многих других.

С другой стороны, это типологизация психологического профиля, т.е. отнесение его к одному из известных психологических типов. Эта сторона психолого-криминалистического изучения преступника позволяет выявить наиболее общие характерные закономерности преступного поведения, т.е. *modus vivendi* и *modus operandi*, которые помогают устанавливать генезис, повторяемость, биологические, психофизиологические и психологические механизмы определенного преступного почерка.

Задача выявления психологического профиля значительно облегчается, если преступник может быть обследован посредством базового психодиагностического инструментария судебной психологической экспертизы [12], позволяющего достоверно выявить его психологические особенности, имеющие значение для уголовного дела. Но даже в отсутствие такой возможности есть несколько похожих методологий установления преступника по его действиям и следам, оставленным на месте преступления: профилирование (*profiling* – характеристика или категоризация кого-либо) [13, 14], психология расследования (*investigative psychology*) [15]. Содержанием всех методологий является психолого-криминалистическое исследование типовых моделей преступного поведения.

Если говорить о психолого-криминалистическом исследовании конкретного случая (кейса), то такое исследование должно позволить решить ряд следующих актуальных задач:

1. Выявление особенностей психики у конкретного лица, совершившего преступление.
2. Определение роли факторов внешней ситуации относительно личностных факторов.
3. Установление непосредственного триггера механизма преступного поведения.
4. Выяснение возможного оператора, управлявшего преступным поведением исследуемого.
5. Прогнозирование поведения преступника во время следствия и отбывания наказания.

Само понятие типовой модели личности преступника, совершающего массовое убийство, строится на ряде положений теории общей криминалистики.

Положение 1. Следует различать единичное убийство и многоэпизодные преступления, к которым относятся несколько однородных или разнородных преступлений, совершенных конкретным преступником (установленным, либо находящимся в розыске).

Положение 2. В системе многоэпизодных преступлений есть две основные классификационные группы:

1) многоэпизодные преступления, состоящие из ряда отделенных по времени и месту самостоятельных эпизодов, обладающих совокупностью характерных повторяющихся признаков. Эти преступления известны как серийные убийства [16. Р. 159];

2) многоэпизодные преступления как совокупность ряда преступлений, совершенных в конкретном месте и в относительно короткий промежуток времени. Этот тип преступлений определяется как массовые убийства [17. Р. 437–470].

В первой из этих групп многоэпизодных преступлений существующая исследовательская традиция выделяет две подгруппы лиц, совершающих массовые убийства: классические массовые убийцы (*mass murderer*) и преступники-шатуны (*spree murderer* – здесь: шатун, т.е. тот, кто «бродит» с места на место). Все массовые преступники характеризуются совершением в рамках одного преступного события убийств нескольких лиц в относительно короткий промежуток времени. Классический массовый преступник совершает преступления в одном месте или в местах, незначительно удаленных друг от друга, а преступник-шатун в местах, значительно удаленных друг от друга, но и тот и другой действуют в рамках незначительного по протяженности временного промежутка [17. Р. 437].

Так как рассматриваемое в статье преступление было совершено на ограниченной территории, необходимо сразу определить лицо, его совершившее, как массового убийцу. Однако для реализации прикладных задач расследования массовых преступлений необходима более детальная классификация, являющаяся уточнением методических поисковых схем зарубежных криминалистов. Уже отмечалось, что группу классических массовых преступников целесообразно разделить на подгруппы стихийных и взрывных преступников [18. С. 42]. Для стихийного массового преступника, как видно из самого названия, характерна внезапность (неподготовленность) преступного поведения, его определенная неожиданность и хаотичность; для взрывного массового преступника – закономерность преступного поведения. Если выразиться образно, для взрыва необходима подготовка к нему, характеризующаяся определенной степенью системности и запланированности. Накопление критического потенциала происходит постепенно, и субъект преступления играет в этом определенную роль, он – не обязательно жертва обстоятельств внешней и внутренней природы. В этом отличие этого процесса от процесса, характерного для куммулятивного аффекта.

По нашему мнению, непродуктивно делить массовых убийц на организованных (взрывных) и дезорганизованных (стихийных), так как данная классификация устоялась применительно к серийным преступникам, образующим совершенно иную уникальную криминальную группу. В русле отечественных традиций классификации допустимо определять стихийных массовых преступников как иррациональных, а взрывных как рациональных преступников, но мы

будем исходить из деления массовых преступников на стихийных и взрывных.

Рассмотрим данные типы подробно не только с криминологической, но и криминалистической точки зрения:

Стихийный убийца. Субъектами совершения таких убийств обычно являются озлобленные и фрустрированные мужчины в возрасте 25–40 лет, хотя не исключаются и убийцы женского пола. Все зарегистрированные случаи показывают идентичность *modus operandi* у представителей обоих полов.

В качестве примера рассматриваемого типа преступников можно привести Ч. Уитмена, устроившего бойню в 1966 г. в Техасском университете (США).

Преступники рассматриваемого типа хранят у себя дома оружие либо знают, где его приобрести, любят смотреть сцены насилия по телевидению и видео, живут одни или с родителями, не имеют сексуального партнера, их много раз отвергали потенциальные партнеры. Часто объектами их интереса являются общественные заведения – места с большим скоплением людей. Могут быть одеты в военную форму, строгий выходной костюм, что указывает на демонстративность их действий, показательность и смирение перед фактом неизбежности насильственного окончания их жизни. Когда наступает момент суженности сознания, субъект убивает на протяжении короткого промежутка времени: от нескольких минут до часов, не предпринимая попыток скрыться.

Стихийного убийцу, можно охарактеризовать как субъекта, чья жизнь оказалась крайне запутанной; он был изгнан из дома своей супругой (супругом) или уволен с работы, он пострадал от человеческого фактора, толкнувшего его на крайние меры. Субъект испытывает гнев, обвиняя **окружающих** в своих неудачах, разрывается волной неконтролируемого насилия, которая задевает всех, кого субъект считает виноватым прямо или чаще – опосредованно.

Ключевым моментом стихийного убийства является место и непродолжительное время совершения преступления. Его гнев и целенаправленность – причина многочисленных жертв.

В сознании стихийного убийцы, как правило, отсутствует образ предпочитаемой жертвы, также они не склонны оставлять на месте преступления особые знаки либо отправлять почтой письма, описывающие мотив и цель своих действий. Случаи самоубийств при угрозе захвата полицией встречаются редко. Стихийные убийцы чаще действуют в одиночку, хотя иногда и прибегают к помощи партнера.

Можно выделить базовые черты **стихийного убийцы**:

- убийство обычно происходит вследствие сильного мгновенного побуждения (без планирования преступления), т.е. отсутствует криминальная ситуация;
- заранее не приносятся и не приготавливаются инструменты для совершения преступления;
- убийца часто оставляет на месте преступления какой-то особенный знак;
- жертвы получают множество ран;

– убийца в дальнейшем может манипулировать с мертвым телом жертвы, совершая акты обезображивания;

– после совершения преступления убийца больше не интересуется или мало интересуется данным эпизодом;

– в сознании преступника нет четкого образа жертвы;

– преступник, как правило, ранее с жертвами не контактировал.

Взрывной убийца. Субъектами совершения таких убийств обычно являются озлобленные и фрустрированные юноши в возрасте 15–25 лет.

В качестве примера рассматриваемого типа преступников можно привести Э. Харриса и Д. Клиболда, устроивших бойню в 1999 г. в школе «Колумбайн» штата Колорадо (США).

Преступники рассматриваемого типа используют хранящееся дома оружие, которое принадлежит их родителям. Психологический профиль данных лиц близок к типу социального аутсайдера, лицо имеет напряженные отношения в коллективе, доходящие до преследования и травли. Одевается в обыденную одежду, неосознанно мотивируя в себя идею естественности воздаяния за совершенные в его адрес несправедливость и притеснения. Не предпринимает попыток скрыться с места преступления.

Взрывного убийцу можно охарактеризовать как субъекта, чья жизнь пострадала от человеческого фактора, толкнувшего его на крайние меры, – как выражено фрустрированную личность. Субъект испытывает гнев, обвиняя *конкретных лиц и конкретные группы окружающих* в лишениях, которые он вынужден был претерпеть, в конце концов, разрываясь волной неконтролируемого насилия, которая задевает всех, кого субъект считает прямо виноватым.

В сознании взрывного убийцы всегда имеется конкретная группа лиц в качестве потенциальных жертв или как минимум специфичный профиль предпочитаемой жертвы с характеристиками лиц определенного возраста, социального статуса, конкретной малой группы. Случаи самоубийств при угрозе захвата полицией встречаются очень редко. Убийцы действуют в одиночку.

К характерным особенностям поведения взрывного убийцы относится следующее:

– преступление обычно происходит вследствие длительного накопительного стресса;

– заранее (как правило, накануне вечером) приготавливаются орудия преступления;

– убийца в дальнейшем не манипулирует мертвым телом жертвы;

– после совершения преступления преступник сильно переживает совершенное им деяние, часто искренне раскаяваясь;

– в сознании преступника есть четкий типовой образ жертвы;

– преступник, как правило, ранее с жертвами контактировал и имел конфликтные ситуации.

Для более глубокого понимания механизма поведения массовых убийц совершим экскурс в природу аффекта. Конечно, поведение массовых преступников

не содержит весь спектр особенностей, свойственных аффекту, однако некоторые из них он включает.

В психологии аффект (лат. affectus – душевное волнение) – это эмоциональный процесс взрывного характера, характеризующийся кратковременностью и высокой интенсивностью, сопровождающийся резкими изменениями в работе внутренних органов и выраженными двигательными проявлениями.

К числу обязательных признаков аффекта традиционно относят трехфазность его развития:

1. Предварительный этап, или этап накопления аффективных переживаний.

2. Этап аффективной разрядки, или этап эмоционального взрыва.

3. Этап истощения, или постаффективный этап [19. С. 46–58].

Некоторые ученые, исследуя феномен аффекта, выделяют в нем четыре базовых признака:

Базовый признак 1. Реальность переживания в силу наличия криминальной ситуации – как ответ на внешнее воздействие.

Базовый признак 2. Аффективная суженность сознания, что проявляется в резком ограничении круга восприятия, нарушении контроля над ситуацией. Сознание переполняют негативно выраженные эмоциональные переживания: обида, ненависть, гнев, ярость и др. Восприятие конфликтной ситуации становится избирательно фрагментарным, отрывочным, утрачивает одновременность.

Базовый признак 3. Кратковременность, так как продолжительность самой фазы взрыва, ввиду ее запредельной энергозатратности, всегда незначительна по времени.

Базовый признак 4. Выраженное депрессивное состояние после интенсивного эксплозивного переживания, которое характеризуется ощущением оцепенения, эмоциями равнодушия и безучастности ко всему окружающему и содеянному.

Напомним, представленная в интернете информация характеризовала Галявиева И.Р. как взрывного массового убийцу. Характеристику взрывного массового убийцы оптимально изложить через призму базовых и поисковых признаков.

Базовый признак 1. Для взрывного убийцы характерна кумулятивная (накопительная) схема формирования аффекта. Для рассматриваемого вида преступника характерна невыраженность первого элемента системы аффекта (криминальной ситуации). Другими словами, в период, предшествующий массовому убийству, непосредственного конкретного конфликта между убийцей и его жертвами.

Базовый признак 2. Второй элемент системы аффекта (суженность сознания) имеет характеристику, близкую к аффективному сужению сознания при классическом физиологическом аффекте: не обнаруживается временное расстройство психики (как при патологическом аффекте), оно не возникает и на почве какого-либо психического заболевания. Лицо, совершившее преступление, только временно не отдает отчет своим действиям.

Базовый признак 3. Преступление совершается в одном месте, в котором локализованы в определенное время его обидчики (школа, казарма, университет). Третий элемент аффекта (продолжительность по времени) – классический: серия убийств совершается в течение ограниченного периода времени.

Базовый признак 4. Четвертый элемент системы аффекта (депрессивное постаффективное состояние) у рассматриваемого преступника выражен и в целом характеризуется усталостью, страхом, продолжителен по времени и часто ведет к раскаянию в содеянном.

Помимо вышесказанного, типовыми элементами психологического профиля взрывного массового убийцы являются следующие поисковые признаки:

1. Субъектами совершения таких убийств обычно являются озлобленные и фрустрированные юноши в возрасте 15–25 лет.

2. Психологический профиль данных лиц близок к типу социального аутсайдера, лицо имеет напряженные отношения в коллективе, доходящие до преследования и травли.

3. Взрывного убийцу можно охарактеризовать как субъекта, чья жизнь пострадала от человеческого фактора, толкнувшего его на крайние меры, – как выражено фрустрированную личность.

4. Субъект испытывает гнев, обвиняя конкретных лиц и конкретные группы окружающих в лишениях, которые он вынужден был претерпеть, разывается волной неконтролируемого насилия, которая задевает всех, кого субъект считает в той или иной мере виновными в его положении.

5. Одевается в обыденную одежду, неосознанно мотивируя в себе идею естественности воздаяния за совершенные в его адрес несправедливость и притеснения.

6. Фантазии о совершении преступления появляются в подростковом возрасте.

7. Наиболее часто использует именно огнестрельное оружие.

8. Преступники рассматриваемого типа используют хранящееся дома оружие, которое принадлежит их родителям.

9. Убийцы действуют в одиночку.

10. Заранее (как правило, накануне вечером) подготавливаются орудия преступления.

11. Введение себя в искусственное аффективное состояние не встречается.

12. Обычно к месту совершения убийства перемещаются пешком.

13. Всегда имеют конкретную группу лиц в качестве жертв или как минимум специфичный профиль предпочитаемой жертвы, как правило, включающий лиц определенного возраста, социального статуса, принадлежащих к конкретной малой группе.

14. Преступник, как правило, ранее с жертвами контактировал и имел конфликтные ситуации.

15. Убийца в дальнейшем не манипулирует мертвым телом жертвы.

16. Не предпринимает попыток скрыться с места преступления.

17. Случаи самоубийств при угрозе захвата полицией встречаются очень редко.

18. После совершения преступления преступник сильно переживает совершенное им деяние, часто искренне раскаиваясь [18. С. 45–46].

В настоящей работе было проведено психолого-криминалистическое исследование массового убийства, в совершении которого на момент подготовки настоящего материала обвиняется Галявиев И.Р. Вся информация получена только из СМИ посредством техники OSINT (англ. Open source intelligence – разведка по открытым источникам. Техника получения достоверной закрытой информации посредством поиска, систематизации и анализа общедоступных источников). Проведение исследования было вызвано отсутствием информации о направленной психологической экспертизе Галявиева И.Р., в то время как комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, о которой сообщалось в СМИ, пришла к выводу о наличии у него психического заболевания. Других, а именно психолого-криминалистических, выводов представлено не было. По мнению авторов, это ограничивает возможности ученых, экспертов и юристов-практиков в полноценном анализе этого случая для понимания причин произошедшего и подготовки рекомендаций для профилактики аналогичных криминальных событий.

Содержание события. 11.05.2021 – Массовое убийство в гимназии № 175 (Казань, Республика Татарстан). В результате нападения погибли 9 человек: 7 восьмиклассников в возрасте от 13 до 15 лет и 2 педагога – 26-летняя учительница английского языка Э. Игнатьева и 55-летняя учительница начальных классов В. Айзатова.

В рассматриваемом событии модель преступного поведения исследуемого включала в себя ряд характерных элементов.

Modus vivendi и modus operandi в стадии подготовки

Галявиев И.Р. – 19 лет (11.09.2001) из полной семьи. *СООТВЕТСТВУЕТ* поисковому признаку 1.

Закончил 175 гимназию в 2017 г., после 9-го класса поступил и обучался в колледже университета управления.

Ректор учебного заведения Н. Прусс охарактеризовала Галявиева И.Р. как опрятного прилежного и усердного студента. Староста учебной группы, где учился Галявиев И.Р., рассказал, что будущий стрелок был замкнутым и нелюдимым, но в то же время помогал сверстникам с учебой. По собственной характеристике Галявиева И.Р., он – классический домашний тиран. По описаниям соседей – тихий ребенок. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 2. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 3.

Деньги на покупку амуниции Галявиев И.Р., согласно собственным показаниям, получил от продажи скинов в Counter-Strike. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 8.

Изучал изготовление самодельных взрывных устройств. В его квартире при обыске были обнару-

жены аммиачная селитра, весы, гвозди и другие компоненты. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 7.

В его квартире при обыске были обнаружены мухоморная настойка. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 11.

Январь 2021 – прекратил посещение занятий в колледже.

Март 2021 – стал проживать в квартире один. Начал готовиться к нападению: прошел 6-часовые курсы по безопасному обращению с оружием, получил необходимые медицинские справки, оформил охотничий билет и приобрел полуавтоматическое гладкоствольное ружье Hatsan Escort PS, а также патроны. Способ приобретения оружия в соседнем регионе избыточно конспиративный. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 8.

2–3 марта 2021 – заказ 6 кг аммиачной селитры, покупка перекиси для взрывчатой смеси.

26 апреля 2021 – отчислен из колледжа университета управления «ТИСБИ» из-за академической задолженности.

28 апреля 2021 – получил лицензию на владение оружием. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 8.

4 мая 2021 – создал Telegram-канал «Бог», в котором написал о нападении на школу. В этом канале до нападения на гимназию было четыре сообщения, в том числе его фотография. Предупредил о том, что собирается «убить огромное количество биомусора». Мессианская идея противоречит типовой идее мести. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 8.

5 мая 2021 – попытка тренировки в стрельбе за городом отменена из опасения последствий.

Непосредственно перед описываемыми ниже событиями конфликта у исследуемого с будущими жертвами либо иными лицами не было. *СООТВЕТСТВУЕТ* базовому признаку 1.

Modus operandi в стадии совершения и сокрытия следов

8.20–8.30. Визит в школу для выяснения расписания. Входит в школу, знакомится с расписанием и уходит. *ПРОТИВОРЕЧИТ* базовому признаку 2.

9.00. Устроил поджог по месту жительства. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 7.

9.05. Сделал свой Telegram-канал «Бог» публичным. *ПРОТИВОРЕЧИТ* базовому признаку 2.

Выбрал черную одежду и черную маску с надписью красными буквами «БОГ». *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 5.

9:15–9:20. Открыто, с оружием шел в школу пешком. *СООТВЕТСТВУЕТ* поисковому признаку 12.

9:20. Зашел на территорию школы. Выстрелы с расстояния не более трех метров в стоящую на крыльце девушку (3 выстрела – все мимо). *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 13. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 14.

Выстрел через дверь в вышедшего ему навстречу пожилого работника школы М. Мустафина (2 выстрела: через дверь и добивающий в голову).

9:25 – Вахтером нажата тревожная кнопка.

9:26 – Директор школы по громкой связи предупредила о нападении и велела учителям закрыться с учениками в классах.

На первом этаже преступник у запертой двери кабинета начальных классов привел в действие самодельное взрывное устройство и далее пошел по этажам. Рюкзак с патронами он оставил в туалете. *ПРОТИВОРЕЧИТ* базовому признаку 2.

Учительница В. Айзатова, помогавшая эвакуироваться младшеклассникам, убита одним выстрелом. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 13. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 14.

Большинство классов были к этому моменту закрыты. На втором этаже, представившись полицейским, пробовал обманом проникнуть в запертые классы. *ПРОТИВОРЕЧИТ* базовому признаку 2.

На третьем этаже ему удалось войти в кабинет, где проходил родной язык у 8 «А» класса, после чего он начал стрелять сначала в учительницу Д. Галлиулину (2 выстрела в ноги), потом в учеников. Отстреляв магазин, вышел в коридор и перезарядился. Дверь в соседний кабинет была открыта, увидел там учительницу Э. Игнатеву. Выстрелил. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 13. *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 14.

Стрельба из окна в школьников, находящихся в школьном дворе (убитых нет). *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 13.

9:33 – прибытие полицейских,

9:35 – задержание подозреваемого преступника. Вышел на крыльцо сам с поднятыми руками. *СООТВЕТСТВУЕТ* базовому признаку 4. *СООТВЕТСТВУЕТ* поисковому признаку 16.

Видимая нелогичность и противоречивость поведения может свидетельствовать о суженности сознания или о наличии невыявленной программы действий. Возможно, *СООТВЕТСТВУЕТ* базовому признаку 2.

Modus operandi в стадии постпреступного поведения

После стрельбы на третьем этаже у него осталось около сотни патронов.

На видео задержания показано пассивное поведение задержанного. Спокойно погрузился в машину. *СООТВЕТСТВУЕТ* базовому признаку 4.

При задержании солгал, что у него дома заложена бомба. *ПРОТИВОРЕЧИТ* базовому признаку 4.

Попытка покончить жизнь самоубийством, которая была прервана окружающими (конвоирами). *ПРОТИВОРЕЧИТ* поисковому признаку 17.

На допросе после задержания вел себя агрессивно и кричал, что всех ненавидит. Выраженная аффективность поведения. *ПРОТИВОРЕЧИТ* базовому признаку 4.

Во время присутствия в суде нет признаков признания. *ПРОТИВОРЕЧИТ* базовому признаку 4.

В анализах крови не обнаружено следов наркотических веществ и алкоголя. Нет также данных, указы-

вающих на выявление следов употребления грибов (возможно, ввиду нераспространенности поиска данных веществ в практике расследования массовых преступлений). *Возможно, СООТВЕТСТВУЕТ поисковой признаку 11.*

Естественно, нельзя предполагать, что любой преступник должен соответствовать типовой модели на все 100%. Мы и не настаиваем на этом утверждении. Однако если образ преступника избыточно сильно отличается от типового, то как минимум следует предположить о возможной ошибочности следственных версий (о личности преступника, о наличии пособников, о существовании каких-то дополнительных обстоятельствах принципиально значимых для расследования) или о наличии у преступника выраженного психического отклонения.

Анализ соответствия *Modus vivendi* и *Modus operandi* Галявиева типовому образу взрывного массового убийцы, как видно из вышесказанного, демонстрирует:

- соответствие базовым признакам в четырех элементах *Modus vivendi* и *Modus operandi*;
- несоответствие базовым признакам в семи элементах *Modus vivendi* и *Modus operandi*;
- соответствие поисковым признакам в четырех элементах *Modus vivendi* и *Modus operandi*;
- несоответствие поисковым признакам в 18 элементах *Modus vivendi* и *Modus operandi*.

Поведение Галявиева, даже если все сомнения трактовать в пользу свидетельств его принадлежности к массовым убийцам, соответствует типовой модели массового взрывного убийцы, исходя из базовых свойств (100/11*4) на 36,36%, исходя из поисковых (второстепенных) свойств (100/22*4) – на 18,18%. Таким образом, поведение Галявиева И.Р. только отдаленно напоминает типовую модель взрывного массового убийцы. И что? Напрашивается вывод.

Данное обстоятельство может говорить либо о демонстративности поведения (подготовка к определенной роли), либо о наличии у преступника выраженного психического отклонения, либо о том, что информация, представленная в СМИ, не может в полной мере составлять базу для исследования.

Объективности ради целесообразно проанализировать соответствие поведения исследуемого модели поведения своего психологического типа. Исследуемый принадлежит к так называемому истероидному (демонстративному) акцентуированному типу.

Типовая характеристика истероидного акцентуированного типа. Особенности характера. Эгоцентризм – стремление быть в центре внимания; тяга к эпатажу; эгоизм; сосредоточенность мыслей на себе; ориентация только на собственные желания; завышенная самооценка; стремление «напрашиваться на комплимент»; энергичность; быстрое угасание после всплеска энергии; развитие чувственного начала в ущерб волевому; неустойчивость настроения; обидчивость; ранимость; чрезвычайное честолюбие; преувеличенные требования благодарности ближнего; вера в свою исключительность. Сильно развитые актерские способности. Склон-

ность к интригам, демагогии и оппозиционности при неудовлетворенном эгоцентризме; игра в вожака вместо настоящего лидерства; ненадежность, лживость и лицемерие; трусость; необдуманный риск (в присутствии зрителей); хвастовство; явно завышенная самооценка; обидчивость при задевании личности; склонность к острым аффективным реакциям. Эмоциональная черствость. Стремление всегда выделяться сочетается с избеганием физического труда. Типовой страх – страх остракизма и физической боли.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты возникают по следующим причинам: вольное или невольное уязвление его самолюбия; равнодушие со стороны окружающих, тем более сознательное игнорирование его личности; критика его достижений, способностей и таланта; вынужденное одиночество или ограничение круга его общения, поклонников; невозможность проявить себя в полной мере; отсутствие ярких событий и возможности проявить свои способности; удары по эгоцентризму, разоблачение его вымыслов, тем более высмеивание [20. С. 88–89].

Истероидность исследуемого установлена из совокупности следующих факторов:

- Выраженная демонстративность поведения (маска с надписью «БОГ», и такое же название (Telegram-канал).
- На фотографиях из его архива он занимает демонстративное положение в центре фотографии или принимает позу критичного отношения к окружающему миру.
- Во время обучения в школе избегал конфликтов.
- Стремление к публичности (Telegram-канал).
- Частое использование местоимения «Я».
- Нежелание делить славу (отказ от упоминаний событий в Колумбайн 20.04.1999 г.).
- В интернете жаловался на персонал магазинов, затруднивших ему приобретение элементов для взрывчатого вещества.
- Выраженная осторожность в процессе совершения преступления (покидание помещения при опустошении магазина и перезарядка в коридоре).
- Во время рассматриваемых событий на втором этаже, представившись полицейским, пытался обманом проникнуть в запертые классы.
- Классическая истероидная псевдопопытка покончить жизнь самоубийством заведомо негодным способом, которая была прервана окружающими (конвоирами).

Из анализа вышеприведенной хронологии событий следует, что истероидная акцентуация исследуемого фактически находит очень слабое подтверждение в его поведении во время совершения преступления, но четко выражена в поведении до и после преступного события.

Выводы

1. Значительное количество данных указывает на предварительную тщательную подготовку и рациональную схему совершения преступления. Отсюда с

большей вероятностью следует, что преступник принадлежит к группе взрывных массовых убийц, нежели к убийцам стихийным.

2. Несмотря на то что типовая модель поведения Галявиева И.Р. ближе к модели взрывного массового убийцы, избыточное количество элементов его преступного поведения выходит за пределы этой модели.

3. Истероидная акцентуация исследуемого фактически находит очень слабое подтверждение в его поведении во время совершения преступления, но четко выражена в поведении до и после преступного события.

4. Отсюда можно заключить, что выраженные противоречия между психологическим типом исследуемого Галявиева И.Р. и особенностями его преступного поведения косвенно указывают на наличие в деле невыявленного оператора.

Примечания

¹ Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») внесено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими на основании решения Верховный Суда Российской Федерации от 02.02.2022 № АКПИ21-1059С (вступило в силу 11.03.2022).

Список источников

1. Волкова Т.А. Формирование культуры «колумбайнеров» в американских учебных заведениях и ее влияние на молодежную среду в современной России // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4 (12). С. 79–87.
2. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76.
3. Пастыка Е.А., Питанова М.Е. Проблема вооруженных нападений подростков в образовательных учреждениях // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 3 (31). С. 21–25.
4. Никитина Л.Н. Использование результатов первичной диагностики склонности молодежи к деструктивному поведению в превентивной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3 (48). С. 73–80.
5. Драганова О.А., Болдырева О.А. Методические рекомендации по профилактике буллинга, скулшутинга и кибераддикции в образовательных организациях. Липецк : Открытый мир, 2020. 20 с.
6. Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сырковашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110.
7. Дамаскин О.В., Красинский В.В. О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96.
8. Гадельшин А.А., Потапов Е.А. Оружейная культура в РФ. Причины скулшутинга и пути его предотвращения // Вопросы российской юстиции. 2021. № 13. С. 183–190.
9. Карпов В.О. Культ колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442–446.
10. Амелина Я.А. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи / Кавказский геополитический клуб. М. : Издатель А.В. Воробьев, 2019. 160 с.
11. Сапрыкин В.А. Деструктивное поведение молодежи в условиях информационной войны: колумбайн-вызовы и меры преодоления // Теория и практика общественного развития. 2019. С. 18–21.
12. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Психодиагностические методы исследования в судебно-психологической экспертизе : учеб. пособие / ред.-сост. В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин. 2-е изд., испр. и доп. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. 390 с.
13. Holmes R.M., Holmes S.T. Profiling Violent Crimes: An Investigative Tool. 2nd ed. Sage Publications, 1996. 217 p.
14. Turvey B. Criminal Profiling. An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. 4th ed. Academic Press, 2011. 728 p.
15. Canter D., Young D. Investigative Psychology: Offender Profiling and the Analysis of Criminal Action. John Wiley and Sons Ltd., 2009. 461 p.
16. Prins H. Offenders, deviants or patients? New York : Herschel Prins, 1995. 332 p.
17. Burgess A.W. Mass, spree and serial homicide // Crime classification manual: a standard system for investigating and classifying violent crimes / ed. by J.E. Douglas et al. San Francisco : Jossey-Bass, 2006. P. 437–470.
18. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2020. 514 с.
19. Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых : метод. рекомендации // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 46–58.
20. Ахмедшин Р.Л. Лекции по правовой психологии : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2019. 454 с.

References

1. Volkova, T.A. (2018) The creation of a culture of “Columbiners” in American schools and its impact on youth in modern Russia. *Vestnik humanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 4 (12). pp. 79–87. (In Russian). DOI: 10.25730/VSU.2070.18.059
2. Davydov, D.G. & Khlokov, K.D. (2018) Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*. 4 (32). pp. 62–76. (In Russian). DOI: 10.11621/npj.2018.0406
3. Pastyka, E.A. & Pitanova, M.E. (2020) Problema vooruzhennykh napadeniy podrostkov v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [The problem of armed attacks by teenagers in educational institutions]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Penza State University*. 3 (31). pp. 21–25. (In Russian).
4. Nikitina, L.N. (2019) Ispol'zovanie rezul'tatov pervichnoy diagnostiki sklonnosti molodezhi k destruktivnomu povedeniyu v preventivnoy deyatelnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [Using the results of the primary diagnosis of the propensity of young people to destructive behavior in the preventive activities of employees of internal affairs bodies]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied Legal Psychology*. 3 (48). pp. 73–80. (In Russian). DOI: 10.33463/2072-8336.2019.3(48).073-080
5. Draganova, O.A. & Boldyreva, O.A. (2020) *Metodicheskie rekomendatsii po profilaktike bullinga, skulshutinga i kiberadditsii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh* [Guidelines for the prevention of bullying, school shooting and cyber addiction in educational institutions]. Lipetsk: Otkrytyy mir.
6. Dozortseva, E.G., Oshevskiy, D.S. & Syrovkashina, K.V. (2020) Psychological, social and informational aspects of attacks by minors on educational institutions. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 2 (10). pp. 97–110. (In Russian).
7. Damaskin, O.V. & Krasinskiy, V.V. (2020) On “Columbine” (schoolshooting) prevention in educational institutions. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11. pp. 84–96. (In Russian). DOI: 10.31857/S102694520012524-7

8. Gadel'shin, A.A. & Potapov, E.A. (2021) Gun culture in the RF. Causes of skulshooting and ways of its prevention. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 13. pp. 183–190. (In Russian).
9. Karpov, V.O. (2018) Cult of Columbine: main reasons for school shooting. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 4 (34). pp. 442–446. (In Russian). DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001
10. Amelina, Ya.A. (2019) *Benefits nenavisti. Kak "kolumbaynery" i kerchenskiy ubiytsa Vladislav Roslyakov stali "geroyami" rossiyskoy destruktivnoy molodezhi* [The benefit of hate. How "Columbiners" and the Kerch killer Vladislav Roslyakov became "heroes" of Russian destructive youth]. Moscow: Izdatel' A.V. Vorob'ev.
11. Saprykin, V.A. (2019) Destructive behavior of youth in the context of the information war: Columbine challenges and measures to overcome them. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 1 (131). pp. 18–21. (In Russian). DOI: 10.24158/tpor.2019.1.2
12. Engalychev, V.F. & Shipshin, S.S. (2013) *Psikhodiagnosticheskie metody issledovaniya v sudebno-psikhologicheskoy ekspertize* [Psychodiagnostic Methods of Research in Forensic Psychological Examination]. 2nd ed. Kaluga: Kaluga State University in the name of K.E. Tsiolkovskiy.
13. Holmes, R.M. & Holmes, S.T. (1996) *Profiling Violent Crimes: An Investigative Tool*. 2nd ed. Sage Publications.
14. Turvey, B. (2011) *Criminal Profiling. An Introduction to Behavioral Evidence Analysis*. 4th ed. Academic Press.
15. Canter, D. & Young, D. (2009) *Investigative Psychology: Offender Profiling and the Analysis of Criminal Action*. John Wiley and Sons Ltd.
16. Prins, H. (1995) *Offenders, deviants or patients?* New York: Herschel Prins.
17. Burgess, A.W. (2006) Mass, spree and serial homicide. In: Douglas, J.E. et al. (eds) *Crime Classification Manual: A standard system for investigating and classifying violent crimes*. San Francisco: Jossey-Bass. pp. 437–470.
18. Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2020) *Kriminalisticheskoe profilirovanie* [Forensic Profiling]. Moscow: Yurayt.
19. Safuanov, F.S. et al. (2016) Criteria for psychological evaluation of legally relevant emotional states of defendants: methodological recommendations. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy – Theory and Practice of Forensic Science*. 3 (43). pp. 46–58. (In Russian).
20. Akhmedshin, R.L. (2019) *Lektsii po pravovoy psikhologii* [Lectures on Legal Psychology]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:

Енгальчев В.Ф. – д-р психол. наук, профессор кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: valiyen@gmail.com

Ахмедшин Р.Л. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: raist@sibmail.com

Ахмедшина Н.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: raist@sibmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.F. Engalychev, Dr. Sci. (Psychology), professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski (Kaluga, Russian Federation). E-mail: valiyen@gmail.com

R.L. Akhmedshin, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

N.V. Akhmedshina, Cand. Sci. (Law), associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2022;
одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.*

*The article was submitted 19.01.2022;
approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.*